

С каждым днем положение в армии со снабжением все ухудшалось, приближаясь к кризисному. В начале 1917 года на Западном фронте катастрофически не хватало продовольствия.

Командование пыталось восполнить недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Но и оно (особенно в городах) голодало не меньше, чем солдаты на фронте. Например, в январе 1917 года выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов неоккупированной части белорусских губерний сократилась до минимума и составила в Минске 4 кг ржаной, до 2 кг пшеничной муки и по 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки. Надвигался голод.

Наряду с продовольствием и вооружением не хватало обмундирования, особенно в зимнее время – теплой одежды и сапог.

С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, огромные людские потери в сражениях, испытывали голод и тяготы лишений, достигшие к 1917 году критической черты. Все это способствовало тому, что российская армия – бывший оплот самодержавия стала ему мощной оппозицией и в феврале 1917 года перешла на сторону восставшего народа.

Сложившаяся обстановка создала предпосылки для революции 1917 года, которая переросла в Гражданскую войну, не менее разрушительную для экономики, сельского хозяйства Российской империи и трагическую для народов, ее населявших.

Извлекая опыт из итогов Первой и Второй мировых войн, других войн и военных конфликтов, усилия нынешнего руководства Республики Беларусь направлены на предотвращение войн и военных конфликтов, которые всегда отбрасывали развитие общества на многие десятилетия назад. Это четко подтверждено в Военной доктрине Республики Беларусь.

Литература

1. Республика Беларусь. Энциклопедия. – Мн., 2008. – Т. 6.
2. Зайончковский, А. Мировая война 1914–1918 гг. / А. Зайончковский. – 3-е изд. – М., 1938. – Т. 1.
3. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2020. – Оп. 1. – Д. 131.
4. Смольянинов, М.М. Трагедия народа / Белорусская думка. – 2008. – № 11. – С. 28-31.
5. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 г. – Мн., 2007.
6. Победа Советской власти в Белоруссии. – Мн., 1967.
7. Китанина, Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольствен. вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.) – Л., 1985.
8. Экономическая история Беларуси. – Мн., 1993.
9. Полоцк. Исторический очерк. – 2-е изд. – Мн., 1987.
10. Новая экономика. – 2007. – № 11–12.
11. Бобков, А.М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) / Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Мн., 1993. – Ч. 1. – С. 132.
12. Мікалаевіч, А. Бежанцы першай сусветнай вайны / Спадчына. – 1994. – № 3. – С. 18.
13. Бобков, А.М. Указ. соч. – С. 133.
14. Лапановіч, С.Ф. Асноўныя напрамкі дзейнасці Галоўнаўпаўнаважаных па ўладкаванні бежанцаў на франтах, у глыбіні імперыі ў Перыяд першай сусветнай вайны // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2001. – № 3. – С. 159.
15. Скалабан, В.В. ...В это суровое и важное время // Неман. – 1981. – № 12. – С. 142.
16. Скалабан, В.У. Бежанцы / Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мн., 1993. – С. 339. – Т. 1.
17. Саматья В.Р. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 2.

УДК 504.001.5(063)(100)

ГАЛУШКО К.Ю., Украина

ИТОГИ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ 1918-1923 гг.

Завершающий этап Первой мировой войны и послевоенное урегулирование 1919-1923 гг. привели к изменению системы международных отношений в Европе, распаду многонациональных империй, образованию новых государств и изменению границ существующих. Принципы послевоенного урегулирования закладывались рядом предвоенных и военных договоренностей государств-участников конфликта, которые содержали в себе существенные противоречия, которые выразительно проявились по окончании войны. Если до 1917 г. послевоенный мир представлялся лишь как новая конфигурация сфер влияния великих держав-победительниц, то участие в конфликте США породило «Пункты В.Вильсона»,

которые предлагали переустройство политической карты континента на основе относительно общих принципов, учитывающих этнические границы и волеизъявление населения спорных регионов.

Парижская мирная конференция, на которой формулировались условия мирных договоров с потерпевшими поражение государствами Четверного союза и новыми субъектами, столкнулась с разными оценками и критериями участников конференции при проведении новых границ, необходимостью учета взаимно противоречивых интересов разных национальных делегаций и фактором реал-политик, определявшим успех признания территориальных притязаний сторон их близостью к интересам ведущих держав Антанты – Франции и Великобритании, потенциальной ролью в ограничении будущей экспансии Германии и большевистской России.

Особую сложность представляли реалии региона Центрально-Восточной Европы, где распад Австро-Венгрии и Российской империи оставил после себя сложную мозаику этнической чересполосицы и конкурирующих национальных проектов – польского, чехословацкого, венгерского, румынского, литовского, украинского, белорусского, югославянского. Отражением противоречивого процесса территориального оформления новых государств стали политические карты Европы 1918-1923 гг., опубликованные в разнообразных картографических изданиях – отдельных картах и комплексных атласах, составители которых старались предоставить читателю актуальное видение «Новой Европы».

Этот процесс начался еще до завершения войны – в частности после Брестского мира 1918 г. Центральных держав с советской Россией и Украинской Народной Республикой. Естественно, что свое отражение условия мира нашли в картографии Германии, Австро-Венгрии и их союзников. Главной инновацией стало появление суверенной Украины, которая ранее фигурировала на картах лишь как «украинские земли», отдельно фиксируя этнический ареал украинцев [1], либо просто показывая этот ареал на более общих тематических картах [2].

Перед тем, как охарактеризовать изменения на карте Европы 1918-1923 гг., необходимо проследить изменение в пределах и способе отображения топонима «Украина». Содержание, которое вкладывалось европейскими картографами в термин «Украина» и его географическая привязка существенно изменились с сер. XVII ст. Впервые «Украина – страна козаков со многими ее провинциями» появилась на картах французского военного инженера и картографа Гийома Левассера де Боплана (начиная с 1648 г.) [3]. В первом издании она еще отождествлялась с «Дикими Полями» (пограничьем Речи Посполитой и османских владений), но в результате восстания Б.Хмельницкого (1648-1657) начинает отождествляться с владениями Войска Запорожского – Средним Поднепровьем (Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства). Публикации Боплана пользовались популярностью на протяжении более полувека и сделали Украину одним из привычных топонимов европейской географии. Пока политический проект Войска Запорожского сохранял свою актуальность (до поражения выступления И.Мазепы в 1708-1709 гг. и его продолжателя Ф.Орлика в 1710-1712 гг.), на изображении Украины мало отражалось ее разделение по Днепру после 1667 г. Она представляла собой единое пространство, выделенное единым контуром и/или цветом. В период Северной войны 1700-1721 гг. публикуются карты Украины аугсбургского картографа Иоганна Гоманна [4]. На них «Украина» шире, чем Надднепрянщина, и охватывает по сути весь этнический ареал украинцев от Карпат до границ Московии.

Однако с рубежа XVII-XVIII вв. в отображение Украины вмешивается новый существенный политический фактор: пропаганда смены на западных картах названия Московского государства, осуществляемая Петром I. Если ранее на картах с XV в. существовала «Московия», то теперь предлагалось ее переименование в «Россию» (торжественный эллинизм, до того принятый лишь в ученых кругах Киево-Могилянской академии и украинского православия), что в ведущих европейских языках (английском, французском, немецком) было идентично древнему термину «Русь». Соответственно, бывшая Московия становилась «Великой Россией», а Гетманщина с историческим центром Киевом – «Малой Россией». Общее название подкрепляло единство политического пространства Санкт-Петербургской империи. Для пропаганды изменений использовался перевод карт российского производства и их переиздание на Западе: например «карты Европы» Якова Брюса ок. 1700 г. [5], на которой впервые используется на карте название «Малая Россия» [6]. С другой стороны, название «Россия» внедрялось в картографических изданиях внешних союзников Петра I, например в Англии [7].

В дальнейшем на отображение Украины на картах влияли следующие факторы: упразднение автономии Гетманщины в Российской империи (1760-1780-е гг.); исчезновение Украины как фактора европейской политики; разделы Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795), которые в качестве главного проблемного фактора в географии Восточной Европы поставили отображение (или неотображение)

Польши; отсутствие «Украины» как политико-административного названия и в России, и в Речи Посполитой. В силу этих причин с к. XVIII в. Украина превращается в локальное региональное название с несколько различной трактовкой ее пределов. Российская трактовка делала ее вторым (обиходно-бытовым) названием для официальной Малороссии. Последняя отождествлялась с Малороссийским генерал-губернаторством в пределах Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний. После упразднения генерал-губернаторства в 1855 г. привязка названия сохранилась. В польской картографии сохранялось понятие «Польская Украина», которое расплывчато охватывало Правобережье Днепра. Поэтому после раздела 1795 г. в западноевропейских картах название и контур Украины охватывали еще и Киевскую губернию. Влияние польской картографии существенно, поскольку «польское видение» политической картографии Восточной Европы продвигалось кругами влиятельной польской политической эмиграции во Франции, близкой к местным интеллектуальным, политическим и военным кругам.

В XIX в. возникают два новых фактора: появление украинского современного национального проекта и составление современных этнографических карт Европы. Впоследствии территориально украинское национальное движение будет опираться именно на этнографические карты. Начиная с карты «Славянских земель» П.Шафарика (1842) [8] и заканчивая исследованиями российского Императорского географического общества, российского Генерального Штаба 1840-1870 гг., этнический ареал малороссов-украинцев получил четкие и обоснованные очертания. Именно это пространство и станет объектом политических претензий украинских правительств 1917-1920 гг. Однако легитимность территориальных претензий, опирающихся на этнографическую карту до 1917 г., будет представляться сомнительной государствам-участникам Великой войны. Изменяя ситуацию 14 «Пунктов В.Вильсона» и революция в России, которая поставила ребром разрешение национального вопроса. Однако именно этнические границы представлялись как «украинское пространство» и соответственно как «Украина». В частности именно такое видение карты представлено в публикациях Украинского комитета в нейтральной Швейцарии, который пропагандировал «украинский вопрос» среди всех участников конфликта [9]. Малороссия останется как региональное название трех губерний и фактически исчезнет из употребления в 1917 г.

В результате непризнания большевистского правительства украинская Центральная рада (УЦР) принимает 7(20) ноября 1917 г. Третий Универсал, одним из пунктов которого стало очерчивание пределов провозглашенной им Украинской Народной Республики (УНР) в пределах 9 губерний России с преобладающим украинским населением. Это еще не было претензией на независимость и международную правосубъектность, но реалии начала всероссийской гражданской войны делали последнее лишь вопросом времени. Агрессия большевиков и необходимость найти внешнюю поддержку на брестских переговорах о мире сделали провозглашение независимости УНР неизбежным. Это и произошло 9(22) января 1918 г. (Четвертый Универсал УЦР).

Очевидная выгода странам Центрального блока от де-юре союзнических отношений с УНР (насколько это было де-факто «союзом» или «оккупацией» остается дискуссионным вопросом) обусловила результатом брестских переговоров признание суверенитета УНР и появление государства Украина на информационно-пропагандистских, политических и специальных картах Германии и Австрии. Наибольшую роль здесь сыграла Австрия, поскольку в отличие от Российской империи, у венского респектабельного картографического издательства «Фрайтаг унд Берндт» был значительный опыт публикации карт Украины, украинских земель и даже учебных карт на украинском языке [10] – благодаря заказам галицких украинских организаций и школ с конца XIX в.

Теперь, например, на специальной карте «Народы и языки Австро-Венгрии» [11], предназначенной для армейских офицеров, по ту сторону бывшей российской границы появилась надпись «Украина» без четкого обозначения ее границ с новой Польшей (последние еще было предметом переговоров). На территорию австрийской Восточной Галиции, населенную русинами-украинцами, надпись «Украина», естественно, не могла распространяться.

Оформление украинской государственности обусловило появление настенной «Карты Украины» (рис. 1) [12], заказанной украинским правительством в Вене. Карта отражает реалии 1918 г. периода правления гетмана П.Скоропадского с неясным статусом таких территорий как Холмщина или Бессарабия. Произведена она была скорее всего уже после падения Австро-Венгрии, но новые государственные образования, в частности Западноукраинскую Народную Республику, еще не показывает. Выбор места печати был обусловлен тем, что в Австро-Венгрии и ранее печатались качественные карты на украинском языке, в отличие от Российской империи, где подобные картографические издания подвергались жесткой цензуре. Карты Украины при П. Скоропадском печатались и в Киеве, но были на русском языке.

Рисунок 1 – Карта України. Wien: Freytag und Berndt, 1919

После поражения Центральных держав картографическая продукция Антанты (разнообразные «Атласы победы», «Атласы Нового мира» и т.д.) стала отражать быстрые территориальные изменения на континенте. И если на западе Европы новые границы оформились достаточно быстро и стабилизировались, на востоке еще продолжались военные действия в Венгрии, Польше, западных регионах бывшей России, на Кавказе и в Турции. Поэтому карты периода 1919-1921 гг. отражали попытку издателей успеть за событиями, когда на картах сосуществовали как границы юридические (оформленные международными договорами), фактические (по факту удержания территории определенным участником конфликта) и «возможные» [13] (рис. 2). Последние представляют для нас особый интерес, т.к. отражают противоречия принципов территориального размежевания. В частности, основная опора в «возможных» границах восточноевропейских государств (Польши, Литвы, Чехословакии, Украины) осуществляется на этнографические карты региона предвоенного периода. Этот подход отрицает традицию «исторических границ» (например, Польши в границах 1772 г.) в пользу этнического принципа. С учетом частичного несоответствия британских и французских этнографических карт Восточной Европы фактическим реалиям, пределы «новых» или «потенциальных государств» могут нам показаться весьма экзотичными.

**Рисунок 2 – Europe Showing Peace Conference Boundaries.
For Nelson's Perpetual Loose-Leaf Encyclopedia. 1919. (фрагмент)**

Интересно, что несмотря на нежелание признать легитимной для участия в Парижской конференции украинскую делегацию от УНР, как мы видим, сама Украина на подобных картах существует (наряду с уже более «очевидными» Польшей, Финляндией и странами Балтии) – как некая «возможная реальность». Такая ситуация на картах отражает реалии апогея российской гражданской войны. Несмотря на официальную поддержку Антантой Белого движения с его лозунгом «единой и неделимой России», в

случае закрепления суверенитета Украины де-факто, карта нам показывает, что она бы имела шанс на определенное признание.

На протяжении 1920-1922 гг. контуры межвоенной Европы стабилизируются и закрепляются на карте. Последним реликтом «территориальной неопределенности» является показанная на карте 1920 г. «ничья» Восточная Галиция (ее принадлежность Польше будет закреплена в 1923 г.) и территории в Восточной Пруссии и Силезии, принадлежность которых должна была определиться в ходе плебисцитов [14] (рис. 3).

Рисунок 3 – The Daily Telegraph Victory Atlas of the World. Prep. of Alexander Gross. London, NY, Toronto, 1920 (фрагмент карты Европы)

В 1923-1924 гг. закрепляются на европейских картах границы советских национальных республик (в частности Украины и Белоруссии), однако составители карт испытывали заметные трудности в определении статуса национальных республик разного уровня (субъекты СССР и национальные автономии в составе РСФСР) и точности отображения их границ (в случае Украины и Белоруссии). Сама Белоруссия как территориально-административное образование в 1919-1922 гг. на западноевропейских картах то появляется, то исчезает. Это было вызвано как неясностью относительно ее суверенного статуса (например, мирный договор с Польшей, в отличие от УССР, «за нее» подписывала делегация РСФСР), так и чрезмерно частым изменением ее границ. До 1923 г. на картах также показываются независимые закавказские государства. Однако по мере признания де-факто большевистского режима к 1924 г. политическая карта Европы окончательно приобретает привычные нам для данного периода очертания [15] (рис. 4).

Рисунок 4 – Newnes' Citizen's Atlas of the World. London: The Home Library Book, 1923 (фрагм. карты России)
(*Исследование осуществлялось при поддержке Канадского института украинских исследований)

Литература

1. *Карта українських земель*. – Wien: Freytag & Berndt, 1900.
2. *Этнографическая карта Российской империи* // Учебный атлас А. Ильина. – СПб., 1877-1913; Народы Европы // Большой настольный атлас Маркса. СПб, 1905; The Times Atlas. – London-Edinburgh, 1890.
3. *Beauplan G. Delineacio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina*. 1648. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; *Beauplan G. Carte d'Ukraine*. 1660. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; *Beauplan G. Typus Generalis Ukrainae*. 1690s. Reproduced with the permission of the Bibliotheque nationale, Paris; Вавричин М. Гійом Левассер де Боплан – картограф України // Спеціальний і докладний план України з належними до неї воєводствами, округами і провінціями. – К-Льв., 2000. – С. 5-13.
4. *Ioh. Baptista Homanno. Ukania quae et Terra Cosaccorum*. – Nurnberg, 1714.
5. *Электронное издание: DVD «Карты галантного века. Шедевры картографического искусства из собрания Государственного Исторического Музея»*. – М., 2011.
6. *Сосса Р.* Історія картографування території України. – К., 2005. – С.158.
7. *Moll Herman. A catalogue of a new and complete atlas*. – London, 1719.
8. *Slovenski zemovid*. – Praha, 1842.
9. *Carte d'Europe*. – Genève: Kommerli, 1916.
10. *Карта українських земель*. Wien: Freytag und Berndt, 1900(?) и др.
11. *G.Freytags Volker und Sprachenkarte von Osterreich-Ungarn*. – Wien: G.Freytag & Berndt, 1918.
12. *Карта України*. – Wien: Freytag und Berndt, 1919.
13. *Europe Showing Peace Conference Boundaries*. For Nelson's Perpetual Loose-Leaf Encyclopedia. 1919 и др.
14. *The Daily Telegraph Victory Atlas of the World*. Prep. of Alexander Gross. – London, NY, Toronto, 1920.
15. *Newnes' Citizen's Atlas of the World*. – London: The Home Library Book, 1923 и др.

УДК 94 «1914/1918»

МИСИЮК В.С., Брест

БЕРЕСТЕЙСКИЙ МИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Мирный договор, заключенный между представителями Центральных держав и Украинской народной республикой, т.н. Берестейский мир [1; 4; 6; 13] или Украинский Брестский мир [10], был в центре внимания украинской историографии. Это вполне объяснимо, поскольку он напрямую связан с созданием украинского государства. В то же время, ему уделяется мало внимания с точки зрения мировых процессов, под влиянием которых он был заключен и которые в полной мере отражал. Значение Берестейского мира выходит за рамки украинской национальной истории, т.к. он оказал непосредственное влияние на ряд важнейших региональных процессов первой половины XX века. В советской историографии Берестейскому миру уделяли мало внимания. В монографии Н. Никольникова мало предметной информации, она сводится в большей степени к тиражированию идеологических штампов о «врагах революции», «политическом банкротстве», «ревизионистах», «аннексионистах» и пр. В последнее время в российской историографии наметились изменения в оценке данного события. Свидетельством чего является монография Ирины Михутиной «Украинский Брестский мир» [10]. К сожалению, в работе совсем не учитываются национальные процессы, происходившие в Финляндии, Польше, Литве, Закавказье и иных регионах бывшей Российской империи. Без внимания осталась также дискуссия по национальному вопросу в социалистической среде. Это, а также использование главным образом российских источников, повлияло на то, что автор стоит на позиции российского централизма. Тем не менее, работа одной из первых исследует российский контекст Берестейского мира. Узкие рамки статьи не позволяют детально рассмотреть проблему, ее целью, прежде всего, является привлечение к данной проблеме более широкого круга исследователей.

20 ноября 1917 года Совнарком Российской республики инициировал начало переговоров о заключении мирного договора и выходе из Первой мировой войны. Большевики старались придать процессу как можно большую огласку, стремились привлечь к переговорам представителей социалистических партий разных стран. Именно поэтому в качестве места проведения переговоров они предлагали Стокгольм, хотя и не настаивали. Л.Троцкий сформулировал мысль В.Ульянова так: «Яснее и резче закрепить на бумаге аннексионистские притязания немецких империалистов и оборвать на этом переговоры на недельный срок и возобновить их либо на русской почве в Пскове, либо в бараке на нейтральной полосе между окопами. Я присоединяюсь к этому мнению. Незачем ездить в нейтральную страну» [10, 6].